

Наталья Николаевна Гайдашова

Счастье за горой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63539021

SelfPub; 2020

Аннотация

История, рассказанная в этой повести, достоверна. Главная героиня Анисья проживает в отдаленной деревне центральной части России. На ее долю выпало тяжелое послевоенное время, раннее вдовство, тяготы деревенской жизни. И происходило это по меркам истории чуть ли не вчера, но как за восемьдесят лет изменилась жизнь. Только душа русской женщины остается прежней. Все так же она стремится к любви, материнству, все также женщина сильна и вынослива. Все также она является источником вдохновения.

Наталья Гайдашова

Счастье за горой

Часть 1

Глава 1

Ближе к вечеру, после того как Лидия Сергеевна вернулась с работы, Анисья выскользнула за калитку и со всех ног кинулась бежать по дороге. Путь у неё был неблизкий. Торопилась Анисья в деревню Борки в родительский дом, который находился ни много ни мало, а в десяти километрах от Касачихи, где жила в няньках Анисья. Пробежав на одном дыхании деревню насквозь, оказалась она на лесной дороге. Дорога шустро петляла среди деревьев, поднималась на пригорок, спускалась с него, круто поворачивала и долго тянулась среди вековых сосен и елей.

Босые, привыкшие к земле ноги Анисьи быстро перебирали по остывающему песку, пятки глухо стучали по укатанной дороге. Когда лес закончился и показались колхозные поля, небо уже зарумянилось и раскалённое дневным жаром солнце готовилось сползти за горизонт. Замелькали впереди избы. Анисья с облегчением вздохнула. Девочка свернула с дороги, одним махом взбежала на крыльцо и, оказавшись в прохладных и тёмных сенях, перевела дух и уже неспешно вошла в дом. Мать стояла у печки и ухватом тянула тяжёлый

чугун с картошкой. Щербак сидел за столом у окна, на руках он держал годовалую Валю. На против окна на лавке расположилась трёхлетняя Надя.

– Аниська, – удивилась мать, – приключилось что?

Она дотащила чугун до стола и поставила его посередине, потом только поправила сбившийся платок на голове.

– Нет. – насупилась девочка, она собралась с духом и быстро произнесла. – Мамка, дай ты мне Христа ради молока!

– Ишь ты, чего захотела. – осклабился Щербак.

– Аниська, дочка, нельзя сейчас молока, пост ведь. – виновато сказала мать. – Поп на берёзе сидит, всё видит.

– Мамка, а я окно завешу, дай молока. – не унималась Анисья.

– Мавра, кончай балаболить. Садись за стол.

Мавра взяла у него дочку и послушно села рядом на скамью. Щербак стукнул кулаком по горячей картошине, и она развалилась на части, порвав шелуху. Из картошины пошёл пар и белое рассыпчатое нутро её вкусно запахло. Щербак густо посыпал на картошину соли.

Анисья подождала немного, потом круто повернулась и выскочила из избы вон, громко хлопнув дверью.

– Ишь ты, поганка, дверями ещё хлопать будет! – услышала она вдогонку крик Щербака.

– Ну и ладно, – у Анисьи защипало глаза, – пост у них!

Она перебежала на другую сторону дороги и оказалась у

калитки другого дома. Девочка уверено вошла в избу и с порога жалобно проговорила:

– Баба Маша, мамка мне молока не дала, сказала пост, нельзя.

Старушка захлопотала. Взяла со стола полную кринку молока и протянула её Анисье.

– Внученька, пей досыта, придумали ребящёнка голодом морить. Пей молочко, с вечерней дойки, сладкое.

Анисья пила долго, раза два делала перерыв, чтобы перевести дыхание и опять жадно припадала к кринке. Выпив всё молоко, она обтёрла мокрые губы, блаженно улыбнулась и ласково сказала:

– Бабусенька, ведь не грех молока попить, если хочется.

– Эх, греха ты ещё не знаешь, дитячко. Беги в Касачиху, поздно уже.

Старушка перекрестила Анисью и вышла за ней следом в сени.

– Анисья, всё ли ладно у тебя?

– Всё хорошо, бабушка.

– Не обижают?

– Нет, как к дочке относятся. Жалко молока берут мало, только для Алёшки, мне не хватает.

Анисья вышла на дорогу, но сделала поворот назад. Подошла к родной избе, остановилась напротив открытого окна и звонко крикнула:

– Эй, Щербак, летят самолеты, сидят в них пилоты и сверху на Щербу плюют! Слышишь, на твою лысую башку плюют! – Анисья с удовольствием растянула последнее слово и не дожидаясь ответа от Щербака, припустилась бежать назад в Касачиху.

Вернулась Анисья поздно. В доме все спали. Она прошла в комнату, неслышно улеглась рядом с раскинувшимся во сне Алёшкой и мгновенно заснула.

Рано утром, собираясь в больницу, Лидия Сергеевна заглянула в комнату и увидела спящего сына, а рядом с ним Анисью. Из-под скомканного одеяла выглядывали грязные ступни девочки. Лидия Сергеевна укоризненно покачала головой, задёрнула занавеску на дверном проеме и ушла на работу.

Глава 2

Анисья родилась в марте 1941 года. Год этот был в Борках очень урожайным на детей. Казалось, что сама природа постаралась восполнить человеческие потери, которые должны были случиться в связи с началом войны. В июле отец ушёл на фронт. Дома оставил он жену Мавру и двух дочек: новорожденную Анисью и четырёхлетнюю Нюру. Мать и отец были молодыми и потому беззаботно верили, что война скоро закончится, и отец вернётся домой. Уезжая, он обстоятельно давал указания молодой жене по хозяйству, постоянно приговаривая, что, вот, до осени сделай так-то и так, а он вернётся к зиме и там уже сам доделает. Новобранцев постро-

или перед сельсоветом, было много выступающих, каждый говорил о вероломстве врага и вере в нашу победу. Наступило время прощаться. Отец крепко прижал к груди Мавру, а когда отпустил её, то по ситцевой кофточке расплзлось большое пятно. Молоко пропитало тонкую ткань, оставило желтые разводы. Бабушка Маша держала на руках Анисью, которая заходилась криком, требуя материнскую грудь. Мавра, спокойная всё время проводов, вдруг изменилась в лице, схватила руку мужу, сунула в неё что-то и проговорила: «Миленький мой, пусть всегда будет при тебе, это спасет тебя!»

Она держала мужа за руку, тянула к себе, губы у неё кривились, отчего миловидное лицо сразу подурнело. Мавра не слышала крика ребёнка, не видела того, что происходило вокруг, перед ней было лишь испуганное лицо мужа, осознавшего наконец весь ужас от расставания с семьёй.

Объявили построение. Женщины с трудом отпускали от себя мужей и сыновей. Напоследок крепко обнимали и целовали своих дорогих близких и заливаясь слезами, прижимали к себе детей. Мавра тоже взяла у матери Анисью, испуганная Нюра держалась к Мавре близко, но плакать не решалась. Новобранцев усадили на телеги и караван тронулся. Толпа провожающих ещё какое-то время шла за обозом, но потом люди стали потихоньку расходиться. Вскоре пыль на дороге, поднятая телегами улеглась, и осиротевшие в один миг бабы и ребятишки разбрелись по домам.

В пути, трясясь на подводе по лесной дороге, отец разжал пальцы руки и увидел у себя на ладони маленький холщовый мешочек. На ощупь он был пустым, хотя вроде какая-то крошечка в нём была. Он сунул мешочек в карман и забыл про него. Когда новобранцы получили форму и переоделись в неё, как положено солдату на войне, то заветный мешочек остался в брюках, а отец даже и не вспомнил о нём.

В мешочек же тот зашила Мавра змеиный зуб, который должен был охранять мужа от всякой беды и смерти. Ещё девчонкой увидела Мавра на покосе, как мать наступила босой ногой на голову гадюке, потом взяла листок, раскрыла ей пасть и вырвала зуб. Гадюка сразу перестала извиваться и веревкой вытянулась на земле. Когда мать вырывала зуб, то прошептала три тайных слова.

– Вот, Мавра. Я заговорила зуб у змеи, теперь этот зуб отведет всю беду и напасть от тебя. Возьми его и не теряй.

С верой в чудо, отдавала Мавра свой оберег мужу. Теперь точно вернётся муж живой и здоровый. Заранее сказать ему, что лежит в мешочке постеснялась, вдруг поднимет на смех или того хуже, вообще не возьмёт. Уже дома сильно пожалела, что дала мешочек просто в руки. Надо было пришить верёвочку и повесить мужу на шею, тогда точно был бы при нём змеиный зуб. И так она затосковала, что проплакала весь вечер, а когда уснула, то привиделся ей сон, будто по дороге ползла змея и приблизившись к Мавре, высоко подняла голову, зашипела и открыла она свою красную пасть, а там

белел длинный зуб. Показала змея Мавре жало и начало извиваться по земле её длинное чёрное тело.

В октябре пришла похоронка на мужа. Погиб. Для Мавры же началась жизнь тяжёлая. Работала Мавра, как и все бабы в колхозе за себя и за своих мужиков. Дома закрывала дочек одних почти на весь день. Пока Анисья лежала в люльке, не было печали у Мавры. Но как только стала подрастать, пришлось оставлять её на полу, где она ползала до прихода матери. Нюра присматривала за ней как могла, да что с неё было взять, сама ещё ребёнок. Долго Анисья не ходила, приподнимаясь на ручках, хваталась за край скамейки и пыталась встать. Не получалось. Дрожащие ноги не могли удержать её тонкое и длинное тело. Много слёз пролила Мавра, жалко ей было дочку, жалко себя. Смотрела на Анисью, вспоминала мужа, и такая боль разрывала ей сердце, что порой и совладать с собой не могла. Уткнётся лицом в ладони и только слышны глухие стоны, а опущенные плечи вздрагивают, а голова качается из стороны в сторону. Горько! Дочки сначала утешают её: «Не плачь, мама!» А потом сами заревут в три ручья и уже не понятно, кто кого утешает. Поплачут обнявшись и живут дальше. Но Бог Анисью пожалел, не дал остаться ей беспомощной калекой. К пяти годам стала крепнуть Анисья. Не так сильно дрожали ноги, когда пыталась она стоять, держась за любую опору, не так быстро уставала, подтягивая тело и поднимаясь с пола. Стала у Анисьи появляться сила в ногах. Сначала думали, что

растёт она слабенькой без материнской заботы. Уходя на работу тепло одевала Мавра дочку и жарко топила избу, деревянный не крашенный пол пропускал холод и охлаждал маленькую Анисью. Когда сомнений не осталось, что у девочки проблемы с ногами, бабушка Маша взялась за лечение. Лечила она внучку запаренной соломой. Заливала соломку кипятком в кадлушке, давала немного остынуть взвару и сажала в него Анисью. При этом молилась и приговаривала слова, которые знала лишь бабушка Маша, и были это не просто слова, а слова особенные, лечебные. Когда постепенно стала болезнь отступать и Анисья начала ходить, то за все пять лет без движенья, отыгралась она. Была ли ещё такая бойкая и шустрая девчонка в деревне, была ли такая игрунья и выдумщица? Наверяд ли! Ходить просто по дороге она не могла, всегда бегала вприпрыжку. Казалось, что не знает она усталости, и пробежит любое расстояние, и перепрыгнет, и перелезет через любую преграду. Всегда вокруг неё детвора, и только слышен звонкий голос Анисьи, которая раздавала указы или требовала к себе внимания.

– Ну, Анисья, и веретено же ты! – смеялась Мавра. – Хоть минуточку можешь посидеть спокойно!

Да только, как правило, летели материнские слова в спину убегающей дочке.

Нюра с Анисьей были не разлей вода. Всё делали вместе, матери помогали, любую работу по дому знали, огороды на них были, и пололи, и поливали, всюду успевали. А как толь-

ко свободная минутка выдавалась, то бегом на улицу, а там уже ватага девчонок и мальчишек ждут сестёр.

– Эй, лукавые, – крикнет Анисья. – Айда на реку!

И всей гурьбой бегут к реке, но впереди всех несётся дороги не разбирая Анисья.

В семь лет пошла она в школу. И там стала первой – и в учебе, и в затеях детских, везде отличалась. Её бы и поругать, да шалости все были безобидными, скорее больше пользы от неё было, чем вреда.

Дома жизнь тоже наладилась. Закончилась война. Мать больше не работала так тяжело и много. Появилось свободное время и, глядя на дочек, Мавра уже не плакала так страшно как в прошлом. Казалось, ни что не сможет изменить размеренную жизнь, установившуюся в их семье, но вышло по-другому. В один миг всё перевернулось с ног на голову. И случилось это прежде всего для Анисьи.

Глава 3

Через четыре года после окончания войны произошло важное событие. Как-то мать пришла домой не одна.

– Познакомьтесь. – сказала она дочкам. – Это Валерий Иванович Щербаков. Мы с ним записались сегодня. Будем жить вместе.

Щербаков приехал в Борки с партией рабочих на вырубку леса. Жили они в специально построенных колхозом бараках. Были среди лесорубов семейные, были и холостые. Рабочие приезжали и уезжали, а вот Щербаков решил остаться

с Маврой. Он воевал, был ранен и контужен. В блокадном Ленинграде погибла его семья – жена и двое детей. Щербаков был старше Мавры на десять лет, но тяжёлые годы войны и пережитое горе преждевременно состарили его.

С первого взгляда невзлюбила Анисья отчима. Всё вызывало у неё раздражение, начиная с плешивой головы и подборода, поросшего чёрной щетиной, до тонких и кривых ног, которые ставил он на землю робко, как будто сомневаясь, устоит или нет. При ходьбе его немного покачивало из стороны в сторону, и Щербаков производил впечатление выпившего человека, хотя слабость в ногах была последствием контузии. Был Валерий Иванович невысокого роста и узким в кости, а потому очень проигрывал рядом с высокой и статной Маврой. Больше же всего невзлюбила Анисья его руки с узловатыми длинными пальцами. И когда однажды Щербаков схватил Анисью за шиворот, она не задумываясь выпала ему в лицо, ловко вывернувшись из его цепких пальцев:

– Клешни от меня убери, ещё раз схватишь, я тебе их обломаю.

– Ах, ты поганка! – зло процедил Валерий Иванович.

С этого момента началась между отчимом и Анисьей война. Больше Валерий Иванович руки не распускал, но не было для падчерицы ни одного доброго взгляда, ни одного ласкового слова. Он или вовсе её не замечал, или кричал грозно. От криков этих убегала Анисья к бабушке Маше и бывало, что жила у неё по несколько дней. Мать снова начала пла-

кать. Девочка давала матери слово, что не будет больше задирать отчима и смирится с его присутствием, но сдержаться не могла. Стычки и конфликты между ними не прекращались.

– Анисья, дочка, ты пойми, тяжело мне одной. Вам отец нужен, а мне муж. Он человек-то не плохой, воевал.

– Контуженный он! – свирепела Анисья. – Потому и злой такой!

– Дочка, он за нас с тобой воевал, чтобы мы счастливо жили.

– За нас отец воевал и жизнь свою отдал! А ты забыла про него!

– Нет, не забыла! Да ведь его не вернешь, а я живая, я жить хочу и счастья хочу. – заливалась слезами Мавра. Она проводила рукой по округлившемуся животу, потом обнимала Анисью.

– Нашла бы хоть приличного, а то плешивого какого-то подобрала. – не унималась Анисья.

– Да, где их приличных-то взять, глупая, война-то какая прошла, почти всех мужиков поубивало, сколько баб вдовами остались. А он хоть и плешивый, а всё же мужик. Да и что говорить теперь, скоро ребёночек родится, семья ведь у нас. Смирись, Анисья, ради меня смирись.

Любовь и жалость к матери делали Анисью молчаливой и грустной. Случалось, что прежняя безудержная весёлость нападала на неё, но стоило отчиму сказать что-то обидное, и

Анисья мрачнела и замыкалась в себе. Обычно говорил Валерий Иванович с неприязнью глядя на падчерицу:

– Кобыла здоровая, ей работать надо, а она всё в игрушки играет.

– Сам работай, сидишь на материнской шее. – не уступала Анисья.

– У, поганка, много ты понимаешь про шеи, я инвалид, мне так досталось, что не дай бог тебе такое испытать.

Однажды не выдержала Анисья и сходу дала отпор Щербаку, (другим именем она его не называла):

– Инвалид! А мамке-то моей что не досталось? Тоже всю войну прошла! Она здоровая, поэтому с фермы домой только ночевать ходит, а ты больной дома сидишь.

– Не твое телячье дело, много разговаривать стала. Вот иди и работай, пока ты тут жрёшь, я работать не буду.

– И пойду, сдались вы мне все...

Сказала и выскочила за дверь. Поплакала в укромном месте, да только слезами не поможешь, поэтому летом, закончив четыре класса, ушла Анисья в соседнее село Касачиха жить в семью Лидии Сергеевны. Им была нужна нянька для годовалого сына. Мавра отпустила дочку не с легкой душой, но выхода не было. Между отчимом и дочерью была такая неприязнь, что могла довести, не дай бог, до греха. Нюра уже второй год жила в Москве в семье архитектора и присматривала за его маленькими детьми. «Доля моя такая сиротская», – решила Анисья и смирилась.

Лидия Сергеевна работала медсестрой в сельской больнице. Приехала она в Касачиху молодым специалистом. Вышла замуж за местного тракториста Николая Звонова. Молодой семье выделил колхоз «квартиру», (половину деревянного барака). Жили дружно. Лидия Сергеевна выглядела не на много старше Анисьи. Милое, покрытое густыми веснушками лицо Лидии Сергеевны было таким открытым и доверчивым, что Анисья сразу признала в ней человека близкого и не опасного. Так и получилось. Относилась Лидия Сергеевна к Анисье как младшей сестре и звала её в шутку Аниська-воин, за характер боевой и за вечное стремление добиться справедливости.

Вечером возвращался с работы Николай Тимофеевич. Переодевался во всё чистое и долго мыл руки и лицо душистым мылом, пытаясь отмыться от запаха солярки. Потом проходил в комнату и улыбаясь говорил:

– Ну что, девушки-красавицы, будете кормить добытчика? Есть хочу, так бы и съел Алёшку-картошку.

Брал сына на руки, подбрасывал и щекотал его. Счастливый Алёшка заливался смехом, потом отец целовал сына и, подбросив в последний раз высоко к потолку, ставил на пол.

– Будем, мы уже заждались. – отвечает Анисья, накрывая на стол.

– Ну, рассказывайте, как день прошёл? – спрашивал Николай Тимофеевич, расслабившись и не торопясь попивая чаёк, после того как утолил голод.

А сам глаза не сводил с жены и при первой же возможности, обязательно прикасался к ней рукой или обнимал, или гладил по плечу. Анисья видела это и думала: «Вырасту, выйду замуж и мой муж тоже будет добрым и меня будет любить также как Николай Тимофеевич любит Лидию Сергеевну».

С Алёшкой управлялась Анисья ловко. Кормила и спать укладывала, гуляла и играла, делала всё добросовестно с заботой к ребёнку. Но стоило Лидии Сергеевне переступить порог дома, то девочки и след простыл. Бежала она на улицу к подружкам и удержать её дома не было никакой возможности.

– Анисья, сядь надо поговорить. – сказала Лидия Сергеевна на следующий день после того, как побывала Анисья в Борках.

Девочка послушно уселась на скамейку. Алёшка взобрался к ней на колени.

– Ругать что ли будете, вроде не за что. – насупилась Анисья.

– Ругать не буду, но спросить тебя хочу, где ты пропадала вчера вечером и почему пришла так поздно?

– Домой ходила. – вздохнула Анисья.

– Анисья, ты скучаешь по домашним?

– Скучаю, только ещё... – Анисья замолчала.

– Что ещё?

Девочка опустила глаза и крепко прижала к себе Алёшку.

Он стал вырываться, расплакался, и Лидия Сергеевна забрала ребёнка.

– Анисья, что ещё?

– Я за молоком бегала.

– За каким молоком? – не поняла Лидия Сергеевна.

– За коровьим молоком. Люблю я его очень.

– Вот в чём дело. Понятно. – протянула Лидия Сергеевна.

– С молоком разберёмся, но ты мне ответь вот на такой вопрос: скоро сентябрь, ты собираешься идти в школу?

– Не пойду! – категорично сказала Анисья.

– Ты должна учиться. Не можешь же ты всю жизнь сидеть с чужими детьми. Надо получить профессию, а если ты не закончишь восьмилетку, как ты будешь учиться дальше.

– Не пойду! С досады Анисья топнула босой ногой.

Лидия Сергеевна долго уговаривала, но на все доводы девочка твердила одно:

– Не пойду. – вконец измучившись с упрямой Анисьей, Лидия Сергеевна махнула на неё рукой.

– Поступай как хочешь, но ноги надо мыть каждый день. – без всякой связи выпалила Лидия Сергеевна.

– Зачем их мыть?

– Потому что они грязные, ты спишь на чистой постели.

– Лидия Сергеевна, они не грязные, а пыльные, что толку их мыть, если они завтра снова запылятся. А потом, я лежу на кровати и мои ноги торчат вот так – и Анисья показала, как. Я даже ногами не касаюсь простыни.

– Анисья! Ноги надо мыть каждый день. Это я тебе как медик говорю. И скажи мне, пожалуйста, почему ты не носишь ботинки. Почему ходишь босиком?

– Лидия Сергеевна, вот вы чудачка! Я ботинки жалею, они у меня одни, сношу их, в чём ходить буду? Мамка мне новые не купит.

Лидия Сергеевна улыбнулась:

– Эх, Аниська-воин! Нет на тебя управы. Дай мне слово, что ноги будешь перед сном мыть.

– Лидия Сергеевна, дел-то, рукой махну и всё в порядке!

Вроде беззаботно ответила Анисья Лидии Сергеевне, но на самом деле грустно стало у девочки на душе. Вспомнила она, как в послевоенные тяжёлые годы жили они с матерью так бедно, что и представить себе трудно. Вспомнила, как однажды утром, уходя на работу, обула Мавра на одну ногу резиновый сапог, а на другую кирзовый.

– Мамка, как же ты так пойдешь, в разных то сапогах? – спросила Нюра.

– А пусть знают, дочка, что у меня и такие и такие сапоги имеются. – улыбнулась Мавра.

Глава 4

Улица, где жила Лидия Сергеевна была тупиковой. Деревенская дорога обходила её стороной. Домов пятнадцать стояли вкруг, а в центре поляны молодецки красовался колодец. Он был точкой сбора не только хозяек, которые приходили за водой и обменивались последними новостями, смеялись, ру-

гались, выясняли отношения, но и местной ребятни. На улице ещё были колодцы, на каждые три дома свой. Но за отсутствием какой-либо возможности узнавать новости не только деревенские, но всей страны, а иногда даже и мировые, стремились женщины к центральному колодцу и завидя, что там произошёл сбор из нескольких кумушек, хватали вёдра и устремлялись поближе к новостям. Трава вокруг колодца была так истоптана, будто за водой ходили не с десятков женщин, и не толкались там с утра до вечера ребятишки, а целое стадо коров приходило туда на водопой. Вокруг скамейки, установленной у колодца, трава была стёрта до самого песка.

Однажды под вечер Анисья и Нюня сидели на этой самой лавочке у того самого колодца. День выдался пасмурным и ветреным. Говорить было не о чём, поэтому молчали. Анисья загребала босыми ногами песок в горку, потом топтала его голой пяткой. Делала она это вяло, какое-никакое, а развлечение. Нюня смотрела за манипуляциями Анисьиных ног, но повторять не решалась, было жалко ботинки. Нюня – наилучшая подруга Анисьи, обладательница замечательной способности – она умела говорить впопад. Молчит, молчит, когда все спорят или ссорятся, а потом скажет словечко и всё станет по своим местам. Анисья в таких ситуациях всегда восхищалась: «Ну, Нюнька, ума у тебя – палата!» Но Нюня не гордилась, вела себя скромно и всегда как будто выглядывала из-за плеча Анисьи.

– Может за Танькой сходим, всё веселее будет. – обрати-

лась Нюня к подруге.

Анисья пожала плечами, но со скамейки поднялась и направилась к Танькиному дому. Следом за ней пошла и Нюня, но сначала всё же топнула каблуком ботинка по собранной Анисьей кучке песка. Уж очень заманчиво забавлялась с ней подруга.

Дверь в Танькин дом была распахнута настежь. На пороге, согнувшись пополам, стояла на коленях тётка Феня, обратив свой широкий зад и грязные пятки в сторону улицы. Она с остервенением тёрла полы. На крыльце стояло большущее ведро, куда тётка Феня опускала здоровенную тёмного цвета тряпку. Вытащив её из ведра полную водой, с силой швыряла на пол и начинала тереть доски, разбрызгивая грязную воду вокруг себя. Тётка Феня, которую в деревне звали Колотихой, уже перевалила за порог и теперь тёрла пол крыльца.

– Тётя Феня, а Танька пойдет гулять? – спросила Анисья.

Женщина обернулась, поднялась с колен и скрипучим неприятным голосом ответила:

– Не пойдет! Всё бы вам кобылицам взлягивать! Заняться видно не чем.

– Тётя Феня, пустите Таньку погулять, мы не долго, – Анисья начала заводиться, – к чему вредничать.

– Не пойдёт. – отрезала женщина, она держала в руке тряпку, с которой уже натекла на пол небольшая лужица воды. – Не пойдёт.

Нюня тихо проговорила Анисье:

– Скажи, пусть отпустит, ничего с Танькиной целкой не случится.

– Тётя Феня, пусти Таньку на улицу, не беспокойся, мы последим, чтобы она целку не потеряла.

– Ах, ты мерзавка! – закричала тётка Феня. – Я тебе сейчас тряпкой по морде съезжу. А ну, пошли отсюда!

Анисья сунула руку в карман штопанной-перештопанной материнской кофты, сидящей мешком на её худеньком тельце. Сразу палец уткнулся в то место, где была когда-то дырка, с великим мастерством зашитая Анисьей так, что даже и следа не было заметно. Она нажала пальцем на шов и подумала: «Была бы дырка, и я могла что-нибудь потерять. Чем ругаться, лучше бы драные карманы у Таньки заштопала, тогда и терять бы не пришлось».

Мысль была правильная, потому что Танька была ещё та неряха. Она могла по несколько дней не чесать свои длинные волосы, и коса её имела вид растрёпанный и неопрятный. Бывало, что измазанное лицо сохраняло тёмные следы на Танькиных щеках, а особенно на курносом носе, не один день. К одежде Таньки тоже были претензии относительно чистоты, а то что карманы были дырявые Анисья знала точно, не раз и не два, суматошная Танька теряла разный мелкий хлам, набитый в карманы платья или кофты. Потом обнаружив пропажу, Танька начинала голосить, что потеряла самую нужную, какую только можно представить, вещь, и вся ватага ребятни начинала искать кусок верёвки, фантик

от давно съеденной конфетки или ещё какую-нибудь ерунду.

Тётка Феня замахнулась на них дерюгой и ведь ударила бы, не будь девчонки от неё на безопасном расстоянии. Она погрозила им тряпкой, Анисья показала ей дулю, на этом и разошлись.

Вернулись к колодцу. Там подруг поджидали «друзья-товарищи и всякий разный сброд», как образно выражалась Нюня. Всем было скучно. Не могли придумать, чем бы заняться. Возбуждённая разговором с тёткой Феней, Анисья строила планы мести зловредной Колотихе.

– Петюня, – обратилась Анисья к самому первому в их компании отчаянному сорванцу, – давай Колотихе трубу закроем.

– Почему? – с живостью спросил мальчишка.

– Таньку гулять не пускает!

– За это можно, какое право имеет лишать нас её общества.

Петька сдвинул брови и шмыгнул носом, что означало у него степень крайней задумчивости. Помолчал.

– Надо стекло. – авторитетно сказал и двинулся в сторону фермы. Вся компания заспешила за ним следом.

В высокой крапиве у стены телятника был сложен строительный мусор, там и нашли стекло, подходящее под размер трубы.

Когда стало темнеть пошли к Колотихину дому, но не все, кто-то испугался и от греха подальше укрылся дома, кто-то решил подождать у колодца возвращение друзей с опас-

ной операции.

Анисья же с Нюнькой и Петькой шли смело. Они твёрдо были уверены, что правда на их стороне.

– Сможешь? – спросил Петька Анисью, кивая на крышу Танькиного дома.

– Дел-то, рукой махну и всё в порядке – ответила девочка без тени сомнений.

Петька одобрительно хлопнул Анисью по плечу и хитро улыбнулся.

Сначала Петька, а следом за ним Анисья со стеклом в руках, залезли на крышу дровяника, пристроенного к задней стене дома, а оттуда перебрались на крышу дома. Гибкая и тонкая Анисья, тихо ступая по дранке, добралась до трубы и закрыла её стеклом. Также бесшумно спустилась потом вниз и уже на земле злорадно прошептала:

– Вот, затопишь теперь утром печку, понюхаешь дымка.

– Будет знать, как Таньку дома держать. – добавил Петька.

По домам расходились довольные. Шумно обсуждали приведённое в исполнение наказание для тётки Фени, смеялись. Одна только Нюнька не смеялась, и вдруг негромко сказала:

– А ведь Анисья и влетит тебе за зловерство, ой, влетит. Не зря же тётку Феню зовут в деревне Колотихой.

Анисья осеклась на полуслове, удивлённо уставилась на подругу, потом пожала плечами:

– Ну и влетит! Зато за Таньку заступились.

За Таньку заступались вроде бы всей компанией, но влетело одной Анисье. Вечером следующего дня дверь в комнату распахнулась и на пороге появилась Колотиха. Выражение лица у неё было такое, что Анисья сразу поняла – будет ей капитальная трепка.

– Ну что, Лидия Сергеевна, я к вам с жалобой.

– Что случилось? – испуганно спросила та, растерявшись от одного только вида воинственно настроенной Колотихи.

– Вот, мерзавка эта наделала мне дел! Печную трубу законопатила у меня в избе, так мы чуть не угорели. Я утром печку растопила, а из трубы-то чёрный дым в дом так и пустился. Пришлось дрова водой заливать. Пока разобралась, что к чему, страху-то натерпелась. Её за такое хулиганство надо в милицию сдать.

– Федосья Ивановна, как Анисья могла вам трубу закрыть? Может вы что-то путаете.

– А вы у неё спросите, как? Она, мерзавка, по крыше забралась и куском стекла трубу прикрыла, вот дым-то и пошёл в дом. – заскрипела Колотиха, не дав возможности Анисье и рта открыть. – Это же хулиганство!

– Анисья, это правда?

Выражение лица у Лидии Сергеевны было растерянное, она скомкала в руках кухонное полотенце и посмотрела на девочку так, будто надеялась, что та будет всё отрицать и окажется на самом деле не виновной.

– А почему она Таньку гулять не пускает? Это ведь тоже

хулиганство.

– Да как я её с вами шантрапой гулять отпущу! Знаете, Лидия Сергеевна, что эта дрянь мне сказала?

И Колотиха слово в слово повторила угрозу Анисьи про возможную потерю.

– Анисья! – в ужасе ахнула Лидия Сергеевна разжала пальцы, и полотенце упало ей под ноги.

– Что я такого сказала! Что она пристала ко мне с этой целкой! Потерять-то каждый может, а она подозревает, что мы у Таньки её забрать можем. Всё твердит ей: «Не ходи Танька гулять, а то целку потеряешь». Я в жизни ни у какого ничего не брала без спросу, мне чужого не надо. Чтобы не потеряла её Танька – не давай на улицу, пусть дома прячет и карманы зашьёт, а то у неё там дырки.

Наступила тишина. Колотиха посмотрела на Лидию Сергеевну, та на Анисью и обе вдруг заулыбались.

– То ругаетесь, то смеётесь. – свирепо сказала Анисья. – Таньку не будете пускать гулять с нами, так я ещё что похуже придумаю.

– Угрожать она ещё мне будет! Моя Танька, хочу пускаю гулять, хочу не пускаю. – грубо оборвала девочку тётка Феня.

– Федосья Ивановна, вы простите Анисью, я обязательно с ней поговорю, она не будет больше безобразничать.

– Не будет! Да ей нахалке на всё наплевать. Я вот пойду в сельсовет и расскажу председателю, пусть её назад в Борки

отправят. Там ей Щербаков быстро всё желание безобразничать отобьет.

Добрая Лидия Сергеевна уговорила Колотиху не жаловаться, а провинившуюся Анисью заставила извиниться и пообещать не приближаться близко к дому Федосьи Ивановны.

Колотиха успокоилась и в дверях уже более дружелюбно сказала Лидии Сергеевне:

– Вы извините, если что не так, Лидия Сергеевна. Может с горяча что-то лишнее сказала.

На Анисью же посмотрела строго и погрозила ей пальцем. После ухода тётки Фени в доме все притихли. Алёшка, испуганно смотрел то на мать, то на Анисью. Кошка, удивлённая поднятым шумом крикливой тётки, запрыгнула при появлении Колотихи на печку, теперь выглядывала из-за ситцевой занавески своими зелёными круглыми глазами. Анисья, с понуро опущенной головой, села на табуретку и скрестила босые ноги. Она захватила в пальцы клочок ткани на ситцевой юбке, смяла, скрутила в жгут и потом разгладила на коленке.

Лидия Сергеевна прошлась по комнате. Подошла к Алёшке, ласково погладила по голове сына, как бы успокаивая его. Женщина не смотрела на Анисью. Она села за стол, провела рукой по крышке стола. Вздохнула. Нахмурилась.

– Лидия Сергеевна, не справедливо всё это. Нас было много, а виновата я одна что ли?

– Виновата ты одна. – Лидия Сергеевна помолчала и добавила. – Я тоже виновата.

– Вы-то в чем?

– Я отвечаю за тебя. Значит, слежу за тобой плохо. Воли тебе много даю. Получается, воспитатель из меня плохой.

Чувство жалости к этой незлобной хорошей женщине захлестнуло Анисью. Она подошла к Лидии Сергеевне, положила на плечо ей руку и твердо сказала:

– Даю слово, что не буду хулиганить. Буду вас слушаться. Только не отправляйте меня домой. Слово моё крепко. А если только Танька эту чёртову целку потеряет, то я сама лично всю деревню перетрясу, но найду и верну ей её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.